

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОПОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64

УДК 304+32

Этнокультурный неотрадиционализм как ресурс формирования идентичности в современных социокультурных трансформациях

Юрий Владимирович Попков¹, Евгений Александрович Тюгашев²

¹ доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, РФ)
ORCID: 0000-0002-1036-9253
yuripopkov54@mail.ru

² доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник
Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск, РФ)
ORCID: 0000-0001-6217-0601; Scopus ID: 57210594381
filosof10@yandex.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи состоит в обосновании этнокультурного неотрадиционализма в качестве инструмента формирования этнической и общенациональной идентичности, в выявлении возможностей взаимосвязи, синергии данных видов идентичности. В статье актуализация этнокультурного неотрадиционализма и проблемы идентичности интерпретируются как глобальное проявление неоднозначных последствий современных социокультурных трансформаций. Обосновывается идея рассмотрения феномена этнокультурного неотрадиционализма в качестве ресурса формирования этнической и общенациональной идентичности, анализируются возникающие при этом проблемы и противоречия. Потенциальные возможности предложенной концептуальной схемы иллюстрируются на примере двух показательных кейсов: бретонского (народа кельтского происхождения во Франции) и селькупского (сибирского народа в России). Для реализации цели исследования помимо кейс-метода используется социокультурный подход в его авторской интерпретации, позволяющей рассматривать этнокультурный неотрадиционализм, во-первых, как интеркультурное явление — эффект взаимодействия различных этнокультур, во-вторых, как интегративную политику, консолидирующую потенциал этноса в синхронии и диахронии. Анализ бретонского неотрадиционализма с обозначенных позиций позволил выявить такие его черты, как участие в бретонском культурном движении аутентичных носителей традиции, ее передача новым поколениям через непосредственное погружение в живую традицию, участие в движении семей и его массовый характер, отсутствие границ между зрителями и исполнителями, аккумуляция различных модификаций и локальных вариаций культур, обогащение традиции современными элементами и экспериментирование, городская локализация праздников, формирование культурной индустрии и проведение интернациональных многожанровых фестивалей, включающих различные социокультурные практики. Подобный опыт, представленный в селькупском культурном движении, формирует и утверждает позитивную этническую идентичность при содействии

государства. Культурная экспансия и международное признание практик этнокультурного неотрадиционализма снимают проблему локальных этнополитических амбиций и укрепляют общенациональную идентичность как предпосылку развития этнической идентичности. Таким образом, проведенный анализ показывает возможности кооперации, синергии общенациональной и этнической идентичностей на основе реализации стратегии этнокультурного неотрадиционализма.

Ключевые слова: социокультурные трансформации, традиция, этнокультурный неотрадиционализм, идентичность, этническая идентичность, общенациональная идентичность, национальная политика.

Цитирование: Попков Ю. В. Этнокультурный неотрадиционализм как ресурс формирования идентичности в современных социокультурных трансформациях / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 3 (9). С. 53-64.

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64

ВВЕДЕНИЕ

Современная эпоха всеобъемлющих социокультурных трансформаций характеризуется не только нарастанием противоречий и кризисных явлений в глобальном масштабе, но и перегруппировкой тех актуально-значимых проблем, которые выдвигаются на авансцену всемирной истории. К их числу в последнее время принадлежит проблема идентичности. Проявляясь в разных формах и на разных уровнях, она выступает как осознание себя в качестве члена какой-либо общности. С. Хантингтон, связывая идентичность со «смыслом себя», приходит к выводу о глобальном кризисе идентичности, приводящем к потере этого смысла и затрагивающем любые страны и сообщества [1, с. 35-43]. Суть кризиса он четко и емко зафиксировал в названии своей монографии в виде вопроса «Кто мы?», на который становится все сложнее находить однозначный ответ.

Одним из индикаторов актуализации темы идентичности являются становление самостоятельного научного направления идентитарных исследований и публикация посвященной специально ей серии зарубежных и отечественных энциклопедических изданий [4, 25, 26]. Помимо этого в последние десятилетия, как отмечает одна из крупнейших российских исследовательниц проблемы идентичности И. С. Семененко, произошло формирование политики идентичности как важного направления современной публичной политики [4, с. 647-655; 16, с. 8].

Другой, изначально кажущейся парадоксальной, а в настоящее время осмысливаемой как

закономерная, реакцией на современные глобальные трансформации стало повышение значимости этнического фактора в общественном развитии. Это касается не только духовной культуры, но также политики и сферы экономики. Так, эффекты этничности все отчетливее проявляются в рамках рыночной экономики. Рынок ценит уникальность и разнообразие. Как следствие, на одном из его сегментов конституируется рынок этничности — от этнической кухни до торговой марки «Made in ...». Предложенная В. А. Крюковым метафора «разноцветной» экономики является удачной формулой фиксации нынешнего положения дел: «...экономика становится все более „разноцветной“ — меняются не только виды хозяйственной деятельности, но и, что не менее важно, те отношения, которые ее опосредуют. Последние все в большей степени „окрашиваются“ в национальные цвета и краски тех народов и культур, которые они с собой приносят и которых они придерживаются» [6, с. 2].

Очевидно, современный мир находится в ситуации своеобразного этнического ренессанса, к числу его проявлений относятся усиление роли этнической идентичности, рост интереса представителей любых этносов к собственной этнической принадлежности, культурным и национальным традициям.

Данный процесс не является однозначным, он отягощен противоречиями и издержками. Например, усиление этнической идентичности представляет опасность для сохранения общенациональной идентичности; оно способно привести к разным формам фрагментации (яркий пример

подобных тенденций — различные национально-освободительные движения). Трудно оценить баланс его позитивных и негативных последствий; так, обретение народами независимости, как правило, связано с войнами, распадом государственности и экономики, деградацией культуры. Ему сопутствует и формирование авторитарных этнократий, которые провоцируют следующий виток фрагментации.

Восприятие этнических идентичностей как конкурирующих с общенациональной идентичностью и даже угрожающих ей определяет государственную политику реализации модели государства-монахии и подавления пробуждающихся этничностей. В настоящее время в атмосфере дискурса мультикультурализма и заботы о правах национальных меньшинств эта интенция не всегда явно выражена. Но она присутствует в политике многих государств, в том числе и России. Так, Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [21] ориентирует на упрочение общероссийского гражданского самосознания (общенациональной идентичности), а об этнических идентичностях не упоминает.

Такая установка представляется контрпродуктивной уже по той причине, что этническая идентичность продолжает оставаться принципиально важной для основной части населения. Вместе с этнокультурным многообразием она выступает важным фактором современного развития.

Этническая идентичность — объективно существующий социокультурный ресурс, который необходимо эффективно использовать. Причем политика укрепления этнической идентичности — дело не только деликатное, но и весьма сложное, требующее высокого профессионализма. Она должна вести не к сепаратизму и распаду полиэтнических государств, а, наоборот, к укреплению общенациональной идентичности. Лишь при таком условии будет целесообразна государственная политика актуализации и стимулирования этнических идентичностей.

Описанные процессы так или иначе связаны не только с политикой идентичности, но и с этнокультурным неотрадиционализмом. Осмысление их соотношения, механизма взаимосвязи и воз-

можных последствий — актуальная, но слабо разработанная научная проблема.

Цель настоящей статьи состоит в обосновании этнокультурного неотрадиционализма в качестве инструмента формирования этнической и общенациональной идентичности, в выявлении возможностей взаимосвязи, синергии данных видов идентичности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

По нашему мнению, «особенностью современного развития многих этносоциальных субъектов является использование стратегии этнокультурного неотрадиционализма, что находит отражение в актуализации исторической памяти и потенциала прошлого, в этнической консолидации, воспроизводстве и „изобретении“ традиций. Традиция становится мерой идентичности общества и условием этнокультурной самоидентификации. Разрешение кризиса идентичности, таким образом, оказывается связано со становлением и развитием самобытной „неотрадиции“, которая проявляется в актуализации или даже возрождении разнообразных обрядов, обычаев и ритуалов» [9].

Функциональная роль неотрадиционализма состоит в преодолении кризиса самоидентификации в современном обществе. Причину последнего справедливо видят в модернизации традиционного общества и сопутствующем отказе от привычных обычаев, ритуалов, традиций. Как пишет О. С. Новикова, благодаря ритуалу человек в установленном порядке организованно проходил инициацию и приобретал совместно с группой предписанную идентичность и осваивал соответствующие ей нормы поведения [12, с. 38].

Кроме того, в обществе «футурошока» и «нового кочевничества» человек вынужден динамично обновлять самоидентификации, разрешать не только стадийные, но и ситуационные кризисы идентичности. Преодоление индивидуальных кризисов идентичности неизбежно ведет к овладению новыми традициями, принятыми в том сообществе, куда интегрируется индивид. При преодолении кризисов коллективной идентичности и складывании новых сообществ происходит формирование инновационных культурных традиций, что П. Штомпка справедливо

оценивает как «создание новой групповой идентичности» [23, с. 488-489].

Но новая традиция едва ли изобретается «с нуля». Индивиды уже имеют сложившиеся и апробированные в предыдущем социальном опыте устойчивые привычки (рутины), которые новая традиция должна использовать и интегрировать. Поэтому обновление традиции чаще всего осуществляется путем актуализации ее периферийных разновидностей. В этом отношении новая традиция выступает неотрадицией, возрождением одного из локальных вариантов старой забытой традиции. Так, Е. Н. Николаева замечает, что «для построения новой коллективной идентичности необходимы некие глубинные основания, являющиеся инвариантными для данной культуры» [11, с. 12]. Соответственно, реализация неотрадиционалистских проектов не случайно рассматривается как поиск первоисточков этнокультуры [3, с. 57].

Приведем два показательных примера (кейса), демонстрирующих позитивные возможности практической реализации политики этнокультурного неотрадиционализма с точки зрения их воздействия на идентичность.

Начнем с рассмотрения проанализированного М. К. Любарт феномена праздника *фес-ноза* [8]. Это танцевальный ночной праздник, сыгравший заметную роль в возрождении идентичности бретонцев — народа кельтского происхождения во Франции, проживающего в провинции Бретань. Бретонцы, как и другие народы Франции, после Великой французской буржуазной революции вплоть до 1951 г., когда было разрешено преподавание региональных языков, подвергались жесткой этнической дискриминации, прежде всего в сфере употребления родного языка.

Бретонский экономический ренессанс начала XX в. и международное движение за «кельтское возрождение» активизировали усилия сторонников бретонской культуры. Возрождение традиционной культуры шло по различным линиям, но востребованными широкими слоями населения оказались прежде всего бретонские танцы [8, с. 324].

Народные танцы, исполняемые большими группами людей на фес-нозе, состоят из несложных повторяющихся движений ног с согласован-

ным ритмом. Эти движения не требуют больших физических усилий, что позволяет исполнять их в любом возрасте. Они восходят к коллективным работам по «первичному обмолоту» зерна перед обработкой его цепями, уплотнению земли для глинобитного пола в доме [8, с. 325]. В 1920-1930-х гг. с падением значения коллективных работ сельские ночные праздники почти исчезли.

Но в этот же период благодаря возникшему в Париже, а затем в городах Бретани движению «кельтских кружков» танцевально-музыкальное искусство бретонцев начало фиксироваться в видеоархивах. Появились фольклорные ансамбли бретонского танца. В 1923 г. проведен первый общebritонский праздник — Фестиваль Корнуайля. В 1948 г. он собрал около двухсот исполнителей и около ста тысяч зрителей. Участие в организации этого праздника известных деятелей культуры Бретани, взаимодействие различных культурных организаций придавали ему статус главного культурного события региона и символа Бретани.

В последние годы наряду с фес-нозами стали организовываться фес-дэзы — дневные танцевальные праздники. Фес-нозы стали устраиваться в различных масштабах и по поводу любых больших событий, общественных мероприятий и праздников. В наши дни бретонский фес-ноз организуется в Париже и других провинциях Франции, в Бельгии, Ирландии и Шотландии, а также в Нью-Йорке, где существует бретонская община.

Одним из результатов этого движения стал возросший интерес к бретонскому языку. Этот интерес чаще наблюдается у молодых, горожан, дипломированных специалистов, чем у пожилых крестьян [5, с. 122].

Отмечается, что бретонская идентичность вошла в моду, сознательно культивируется и подчеркивается. «Модно быть бретонцем, модно говорить на бретонском языке, быть не таким как все... Возрастает интерес к культурному наследию, этот интерес свободен от чувства ущербности и ненужности, которое внушалось долгие годы», — пишет И. З. Борисова [2, с. 188].

Таким образом, кризис бретонской идентичности был преодолен. Каковы механизмы достижения этого успеха?

В интерпретации рассматриваемого случая важно, на наш взгляд, основываться на таком понимании социокультурного подхода, в лоне которого этнокультурный неотрадиционализм можно интерпретировать, во-первых, как интеркультурное явление — эффект взаимодействия различных этнокультур, во-вторых, как интегративную политику, консолидирующую потенциал этноса в синхронии и диахронии [14].

С позиции этнокультурного неотрадиционализма представляют интерес следующие черты описанного культурного движения:

- участие в процессе возрождения фес-ноза настоящих носителей традиции — певцов, музыкантов, танцоров;
- трансмиссия культуры, передача ее новым поколениям через непосредственное погружение в живую традицию;
- посещение праздников семьями, что интегрирует все поколения на общей почве бретонской культуры;
- массовость участия в празднике и отсутствие границ между зрителями, музыкантами, певцами и танцорами;
- исполнение бретонских танцев в многочисленных модификациях и локальных вариациях, относящихся к разным историческим эпохам;
- обогащение музыкальной традиции на основе включения современных мелодий и обновление ее путем музыкальных экспериментов;
- городская локализация праздников, позволяющая проводить их в больших залах с участием всех желающих;
- формирование вокруг фес-нозов культурной индустрии (этнопарки, интерактивные музеи и др.), представленной и в сети Интернет;
- проведение на базе фес-нозов международных многожанровых фестивалей этнических культур, включающих в том числе пищевые, спортивные и другие практики.

Как отмечает М. К. Любарт, попытки политизировать фес-ноз не удалось в силу участия в нем представителей разных социальных групп и приверженцев различных политических убеждений.

Праздники манифестируют культурную идентичность бретонцев, что воспринимается с 1970-х гг. как «бретонская культурная революция» [8, с. 336], сохраняющая бретонскую идентичность и продвигающая ее в будущее.

«Фестивальная» реализация этнокультурного неотрадиционализма, бесспорно, консолидирует этническую общность, поднимает ее самооценку и даже создает моду на этничность. Так, Н. А. Тучкова отмечает, что участие селькупов в художественной самодеятельности и национальных праздниках разного уровня позволяет выезжать в другие регионы и за рубеж [19, с. 106]. Это способствовало формированию позитивного образ селькупа, в результате чего стало «модно» искать у себя селькупские корни, а затем и юридически оформлять свое селькупское происхождение.

Рассмотренные примеры преодоления кризиса этнической идентичности на основе возрождения фольклорных танцев могут показаться экзотическими и не очень значимыми, частными моментами. Но это не так. Они привлекают внимание тем, что массовые танцы — в соответствии с психоаналитической установкой — раскрывают соматические ресурсы, активизируют или восстанавливают недостаточно развитые моторные (мускульные) паттерны, что позволяет индивидам испытать состояния полного пробуждения и жизненности.

Значение подобных практик высоко ценится в культуре разных народов. Например, в трактате Хань шу («История Ранней династии Хань») они описываются следующим образом: «Народ обладает кровью, дыханием, сердцем и способностью мыслить, но не обладает чувствами печали или радости, веселья или гнева. Последние зарождаются от ощущений, и тогда формируются движения души. Вот почему, если звуки коротки и обрывисты, мысли народа печальны; если звуки широки, гармоничны и неторопливы, народ доволен и радостен; если звуки суровы, злы и жестоки, тогда народ строптив и упрям; если звуки умеренны, бесстрастны, честны и искренни, тогда народ почтителен и полон уважения; когда звуки свободны, обильны и гармоничны, народ полон любви; когда звуки необузданны, порочны и праздны, тогда народ развратен и склонен к беспорядкам. Древние цари считали подоб-

ные беспорядки злом, поэтому они отрегулировали голоса од и песен „Шицзина“, привели в порядок мысли, ритуал и церемонии» [17, с. 13].

В культуре дальневосточных народов музыкально-вокально-хореографическая практика считалась делом особой государственной важности [20, с. 7-8].

Напомним также, что и Платон — яркий представитель западной культуры — в диалоге «Законы» придавал большое значение хороводам в укреплении единства народа. Как отмечал А. Ф. Лосев, «по Платону, петь и плясать должны решительно все, всё государство целиком, и притом всегда разнообразно, непрестанно и восторженно» [7, с. 151].

По оценке Л. Г. Моргана, у ирокезов пляска культивировалась как «великое средство для подъема патриотических чувств и поддержания национального духа» [10, с. 137].

В современной региональной национальной политике проведение символически значимых праздничных мероприятий, возрождающих культурные символы, традиции, ритуалы, является основной формой этнокультурного неотрадиционализма [1, с. 439]. Согласно мнению В. А. Тишкова, праздники воспринимаются как фактор объединения гражданского общества, что и побуждает регионы отдавать предпочтение «фольклорно-этнографическому» направлению национальной политики [18, с. 359]. При этом автор полагает, что после инцидента в Карелии (г. Кондопога) «фестивальная» политика стала критиковаться за ее ограниченность [18, с. 360].

Мы полагаем, что принцип «общей площадки» при организации религиозных праздников сложно реализуем ввиду наличия у их участников существенных различий в религиозной идентичности. Более того, даже общая религиозная идентичность участников праздников может провоцировать социальную напряженность, в частности, речь может идти об Ураза-байраме. Праздники, как и любые массовые мероприятия, в которых центральным звеном выступают представители этнических меньшинств, активно привлекают к ним внимание остального населения, что в определенных ситуациях способно вызывать межнациональную напряженность.

Как считает В. А. Тишков, расколы и кризис общества могут вызвать слова-символы и жесты [18, с. 12]. Соответственно, чтобы избежать фокусирования на себе межэтнической неприязни и агрессии другой части населения, некоторые национально-культурные организации стремятся не афишировать себя.

Безусловно, этническая идентичность, складывающаяся в контексте этнокультурного неотрадиционализма, порой может находиться в противоречии с гражданской идентичностью. Ярким примером такой ситуации является модель сионизма. Она свидетельствует, что этническая идентичность, развивающаяся в рамках этнокультурного неотрадиционализма, способна эффективно конкурировать с гражданской идентичностью и замещать ее вплоть до отказа от гражданства. Отсюда вытекает деструктивность государственной национальной политики в отношении этнокультурного неотрадиционализма, которая способствовала бы как обособлению, изоляции этнических групп, так и их распаду с последующим отъездом представителей данной национальности из страны. На основе динамики развития этнокультурного неотрадиционализма логично признать высокую значимость «фестивального» направления этнонациональной политики.

Одними из интересных следствий этнокультурного неотрадиционализма являются этнокультурная интеграция и этническая мобилизация. Как известно, локальные этнические группы существуют в рамках этнокультурной непрерывности. При этом удаленные этнические группы одного этноса могут существенно различаться, а с соседствующими этническими группами, относящимися к другому этносу, быть сходными. Например, как пишет Е. А. Пивнева, «кондинские ханты ближе к кондинским манси, чем, например, к обдорским хантам; ваховские ханты ближе к тазовским и тымским селькупам, чем к кондинским хантам, а иртышские оседлые ханты ближе к татарам, чем к северной группе своего народа, и т. д.» [13, с. 59].

В силу имеющей место определенной разобщенности этноса, дисперсности его расселения, ландшафтно обусловленного разнообразия и некоторой изолированности отдельных этнических

групп существует проблема его культурного единства. Это ведет к неопределенности личной этнокультурной идентичности, недоиспользованию ресурсов традиции и отсутствию позиционирования на рынке этничностей. Ведь в любом случае лучше и выгоднее быть «кем-то», чем «никем».

Е. А. Пивнева признает определенную значимость административного конструирования в формировании этнической идентичности хантов и манси, прежде всего в форме создания национальных округов и паспортизации. Но она не считает, что этим была поставлена финальная точка в оформлении этнического облика данных народов, поскольку в условиях глобализации и взаимовлияния различных этнических культур возможны новые этнокультурные конфигурации и формы этнической идентичности народов Севера. «Вопрос „Ханты. Манси. Кто мы?“ остается открытым», — заключает она [13, с. 62].

Действительно, следует согласиться с предположением Е. А. Пивневой о дальнейшей динамике этнических процессов, что приведет к уточнению этнических идентичностей и самоидентификаций. Это возможно, прежде всего, в форме дробления, дезагрегирования укрупненных этносов. Но представляет интерес и тот факт, что этнокультурный неотрадиционализм осуществляет этническую консолидацию и мобилизацию. В связи с этим возникает озабоченность возможными «вспышками» этнического самосознания и этнонациональных амбиций элит.

Так, Ю. А. Шубин считает приоритетной задачей актуализацию идентификационного ресурса традиционных культур народов нашей страны: «Вместе с тем, необходимо учитывать, — пишет он, — что актуализация партикулярных оснований идентичности стимулирует тенденцию к фрагментации российского культурного пространства, утрате его целостности и единства, и, соответственно, сдерживает формирование общероссийской идентичности» [24, с. 13].

Его также беспокоит поверхностный характер ряда проявлений этнокультурного неотрадиционализма: «Вместе с тем, анализ модификаций форм традиционной культуры и способов ее интеграции в современный социокультурный контекст (современное мифотворчество, субкультур-

ный городской фольклор, сувениризация, сценические имитации традиционного народного творчества) позволяет сделать вывод о выхолащивании ценностно-смысловой и исторической глубины, аутентичности и сакральности данного феномена. И в этом своем модифицированном качестве традиционная культура утрачивает идентификационный ресурс» [24, с. 22-23].

Для того, чтобы идентичность была неконфликтной, процессы формирования этнической и общероссийской идентичности, как полагает Ю. А. Шубин, должны развиваться в отношениях взаимодополнительности [24, с. 3].

Бесспорно, следует согласиться в этом с Ю. А. Шубиным. Но все же хотелось бы подчеркнуть, что актуализация этнической идентичности, по видимому, является необходимой предпосылкой формирования идентичности общенациональной. «В частности, установлено, что уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основание для уважения других групп» [15, с. 151]. В многонациональном обществе, как справедливо отмечают М. И. Рыхтик и О. Р. Жерновая, для понимания и принятия других необходимо уважать и ценить собственную культуру. «Для этого очень важно не замыкаться, а находиться в постоянном контакте с другими, отличными от своей, культурами», — пишут они [15, с. 151].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что этнокультурный неотрадиционализм, обычно позиционируемый и воспринимаемый как культурная политика, направленная на возрождение отдельных народных традиций, в реальности ведет к более фундаментальному результату — формированию новой этнической идентичности, такой ее модификации, которой ранее не существовало. Конституирование этнической идентичности достигается путем пространственно-временной интеграции этнокультурного потенциала, консолидации дисперсно расселенных локальных этнических групп. Таким образом, происходит «собрание» этноса как в его историчности, так и в его ландшафтно-территориальных модальностях. Это отомобилизованное этническое новообразование, вступаю-

щее в этносоциальные взаимодействия не только частично, как ранее, но и в качестве целостного, внутренне организованного субъекта.

Наряду с активным участием в формировании этнической идентичности этнокультурный неотрадиционализм может выступать в качестве стратегического инструмента укрепления общенациональной идентичности. Этнокультурный неотрадиционализм, очевидно, характеризуется использованием общенациональных ресурсов для собственного укрепления и продвижения. Но эти ресурсы «срабатывают» также в перспективе реструктуризации общенациональной идентичности, ее усложнения и более четкой дифференциации. Повышение степени системной сложности и организованности общенациональной идентичности делает ее более прозрачной, ясной и одновременно устойчивой и определенной по отношению к внешним размывающим воздействиям.

Хотя в своей практической реализации этнокультурный неотрадиционализм может достигать масштаба «этнокультурной революции», его актуализация не подрывает общенациональную идентичность. В условиях глобализации культурная экспансия и международное признание снимают проблему локальных этнополитических амбиций. А потребности развития культурной индустрии интегрируют этнокультуру в общенациональную культуру. Таким образом, этнокуль-

турный неотрадиционализм позволяет избежать конфликта этнической и общенациональной идентичностей, способствуя их позитивной взаимосвязи, синергии.

Интерес может представлять механизм действия наблюдаемой «этнокультурной революции». С одной стороны, она начинается как «революция снизу» — путем выдвижения отдельных культурных инициатив, получающих массовую стихийную поддержку. С другой стороны, она стимулируется организационными мерами на уровне общенациональной политики, то есть продолжается как «революция сверху». Слияние «революции снизу» и «революции сверху», а также точечный, «молекулярный» характер протекания революционного процесса делают его незаметным, но одновременно органично трансформирующим общество.

Актуализация ранее подавляемых этнокультурных ресурсов изменяет ландшафт общенациональной жизни. Этнокультурный неотрадиционализм, реализуясь как интеркультурное явление, дает эффект взаимопроникновения различных этнокультур и дальнейшего их развития на многонациональной основе. В результате осуществляется многосторонняя социокультурная трансформация, возможно, нивелирующая кажущуюся необходимость катастрофических социально-политических революций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анжиганова Л. В. Этнический неотрадиционализм в условиях социокультурных трансформаций / Л. В. Анжиганова // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 438-440.
2. Борисова И. З. Исторические и социолингвистические основы бретонской идентичности / И. З. Борисова // Вестник Башкирского университета. 2017. № 1. С. 184-189.
3. Громов М. Н. Проблемы будущего России: модернизация или реставрация / М. Н. Громов // Приладожье и Русский Север: история, традиции, современность: материалы научно-практической конференции в честь 300-летия г. Лодейное Поле (8-12 июля 2002 г.). М.: Российское гуманистическое общество, 2003. С. 55-60.
4. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
5. Ковальска Э. Х. А. С. Исторические и социолингвистические основы бретонской идентичности / Э. Х. А. С. Ковальска // Наука как движущая антикризисная сила: инновационные преобразования, приоритетные направления и тенденции развития фундаментальных и прикладных научных исследований (г. Санкт-Петербург, 15-16 января 2016 г.). СПб.: Редакционно-издательский центр «КУЛЬТ-ИНФОРМ-ПРЕСС», 2016. С. 120-124.

6. Крюков В. А. «Разноцветная» экономика / В. А. Крюков // ЭКО. 2017. № 10. С. 2-4.
DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2017-10-2-4
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика / А. Ф. Лосев. Харьков; Москва: Фолио: АСТ, 2000. 624 с.
8. Любарт М. К. Праздник «Фес-ноз» как явление в современной культуре бретонцев / М. К. Любарт // Очерки о европейской идентичности и многокультурности: сборник / под ред. М. Ю. Мартыновой. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 323-358.
9. Мадюкова С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма / С. А. Мадюкова, Ю. В. Попков. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.
10. Морган Л. Г. Лига ходеносауни, или ирокезов / Л. Г. Морган. М.: Наука, 1983. 301 с.
11. Николаева Е. В. Неотрадиционализм в культуре повседневности: российская версия конца XX века: автореф. дис. ... канд. культурологи: 24.00.01 / Е. В. Николаева. М., 2004. 27 с.
12. Новикова О. С. Особенности социальной самоидентификации при переходе от традиционного общества к современному (на примере Японии): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / О. С. Новикова. Новосибирск, 2016. 183 с.
13. Пивнева Е. А. «Мы одни, но мы все разные»: об обских уграх, классификациях и идентичностях / Е. А. Пивнева // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 57-62.
14. Попков Ю. В. Феномен этнокультурного неотрадиционализма / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Традиции и инновации в истории и культуре / отв. ред. А. П. Деревянко, В. А. Тишкова. М.: ИЭА, 2015. С. 235-243.
15. Рыхтик М. И. Влияние этнического фактора на культурную и языковую идентичность валлийцев в современных английских шутках и анекдотах / М. И. Рыхтик, О. Р. Жерновая // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 151-157.
16. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И. С. Семенов // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8-28.
DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03
17. Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии / В. И. Сисаури. СПб.: СПбГУ, 2008. 292 с.
18. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания / В. А. Тишков. М.: Наука, 2013. 649 с.
19. Тучкова Н. В. Художественная самодеятельность и фольклоро-мифотворческий процесс как этноконсолидирующие факторы, стимулирующие рост этнической идентичности (по материалам Парабельского района Томской области) / Н. В. Тучкова // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 2. С. 102-111.
20. У Ген-Ир. Традиционная музыка Дальнего Востока (Китай, Корея, Япония): историко-теоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.02 / У Ген-Ир. СПб., 2012. 41 с.
21. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: по сост. на 06.12.2018.
22. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 635 с.
23. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка. М.: Логос, 2005. 664 с.
24. Шубин Ю. А. Современные трансформации этнокультурной идентичности: универсальные тенденции и российская специфика: автореф. дис. ... канд. культурологи: 24.00.01 / Ю. А. Шубин. М., 2011. 28 с.
25. Encyclopedia of Identity / ed. by R. L. II Jakson, M. A. Hogg. SAGE Publications, Inc., 2010. 953 p.
DOI: 10.4135/9781412979306
26. Handbook of Identity Theory and Research / ed. by S. Schwartz, K. Luyckx, V. Vignoles. Springer, 2011. 998 p.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64

UDC 304+32

Ethno-cultural neo-traditionalism as a resource of identity formation in the contemporary social and cultural transformations

Yuriy V. Popkov¹, Evgeny A. Tyugashev²

¹ Dr. Sci. (Philos.), Chief Research Associate,
Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0002-1036-9253
yuripopkov54@mail.ru

² Dr. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Senior Research Associate, Institute of Philosophy and Law,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-6217-0601; Scopus ID: 57210594381
filosof10@yandex.ru

Abstract. This article aims to explain ethnocultural neo-traditionalism as a tool for the formation of ethnic and national identity and for identification of possible interconnection and synergy of these types of identity. The authors interpret ethno-cultural neo-traditionalism and identity problems as the global manifestation of ambiguous consequences of the contemporary socio-cultural transformations. They argue for treating it as a resource for the formation of ethnic and national identity, analyzing the problems and contradictions arising in this case. The potential possibilities of the proposed conceptual scheme are illustrated by two illustrative cases: Breton (Celtic people in France) and Selkup (Siberian people in Russia). In order to achieve this goal, besides the case study, the authors have used sociocultural approach in its authorial interpretation, which allows considering ethnocultural neo-traditionalism, first, as an inter-cultural phenomenon — the effect of interaction between different ethnocultures — and second, as an integrative policy that consolidates the potential of the ethnos in synchrony and diachrony. The analysis of Breton neo-traditionalism from the abovementioned positions allowed to reveal such features as participation in the Breton cultural movement of authentic bearers of tradition, its transmission to new generations through direct immersion in a living tradition, participation in the movement of families and its mass character, absence of borders between spectators and performers, accumulation of various modifications and local variations of cultures, enrichment of tradition with modern elements and experimentation, urban localization of holidays, formation of cultural industry, and organization of international cultural festivals, inclusive of various social and cultural practices. Such experience, presented in the Selkup cultural movement, forms and confirms a positive ethnic identity with the assistance of the state. Cultural expansion and international recognition of ethnocultural non-traditionalism practices remove the problem of local ethno-political ambitions and strengthen national identity as a prerequisite for the development of ethnic identity. Thus, the analysis shows the possibilities of cooperation, synergy of national and ethnic identities based on the implementation of the strategy of ethno-cultural non-traditionalism.

Keywords: socio-cultural transformations, tradition, ethnocultural non-traditionalism, identity, ethnic identity, national identity, national policy.

Citation: Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. 2019. "Ethno-cultural neo-traditionalism as a resource of identity formation in the contemporary social and cultural transformations". *Siberian Socium*, vol. 3, no 3 (9), pp. 53-64. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-53-64

REFERENCES

1. Angzhanova L. V. 2012. "Ethnic non-traditionalism in the conditions of socio-cultural transformations". *World of Science, Culture of Education*, no 6, pp. 438-440. [In Russian]
2. Borisova I. Z. 2017. "Historical and sociolinguistic foundations of Breton identity". *Vestnik Bashkirskogo universiteta (=Bulletin of Bashkir University)*, no 1, pp. 184-189. [In Russian]
3. Gromov M. N. 2003. "Problems of the future of Russia: modernization or restoration". *Proceedings of the Research Conference on the 300th anniversary of Lodeinoe Pole "Ladoga and the Russian North: history, traditions, and modernity" (8-12 July 2002)*, pp. 55-60. Moscow: Russian Humanistic Society. [In Russian]
4. Semenenko I. S. (ed.). 2017. *Identity: personality, society, politics. Encyclopedia*. Moscow: Ves mir. [In Russian]
5. Kovalska E. Kh. A. S. 2016. "Historical and sociolinguistic foundations of Breton identity". *Proceedings of International Research Conference "Science as a driving force of anti-crisis: innovative transformations, priority directions and trends of development of fundamental and applied scientific research" (15-16 January, Saint Petersburg)*, pp. 120-124. Saint Petersburg: KULT-INFORM-PRESS. [In Russian]
6. Kryukov V. A. 2017. "'Raznotsvetnaya' economy". *ECO*, no 10, pp. 2-4. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2017-10-2-4 [In Russian]
7. Losev A. F. 2000. *History of Ancient Aesthetics. Classical Works*. Kharkiv; Moscow: Folio: AST. [In Russian]
8. Lubart M. K. 2013. "'Fez-noz' holiday as a phenomenon in the modern Breton culture". In: Martynova M. Yu. (ed.). *Essays on European Identity and Multiculturalism*. Pp. 323-358. Moscow: IEA RAN. [In Russian]
9. Madiukova S. A., Popkov Yu. V. 2011. *Phenomenon of Sociocultural Neo-Traditionalism*. Saint Petersburg: Aletea. [In Russian]
10. Morgan L. G. 1983. *League of Hadenosauni, or Iroquois*. Moscow: Nauka. [In Russian]
11. Nikolaeva E. G. 2004. "Neo-traditionalism in the culture of everyday life: Russian version of the late 20th century". *Cand. Sci. (Cult.) diss. abstract*. Moscow. [In Russian]
12. Novikova O. S. 2016. "Features of social self-identification in the transition from traditional to modern society (the case of Japan)". *Cand. Sci. (Philos.) diss. Novosibirsk*. [In Russian]
13. Pivneva E. A. 2011. "'We are one, but we are all different': about obscene eels, classifications, and identities". *Ural Historical Journal*, no 2, pp. 57-62. [In Russian]
14. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. 2015. "Phenomenon of ethno-cultural neo-traditionalism". In: Derevyanko A. P., Tishkova V. A. (eds.). *Traditions and Innovations in History and Culture*. Pp. 235-243. Moscow: IEA. [In Russian]
15. Rykhtik M. I., Zhernovaya O. R. 2011. "Influence of the ethnic factor on the cultural and linguistic identity of the Welsh in contemporary English jokes and anecdotes". *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no 2 (8) in 3 parts, part 1, pp. 151-157. [In Russian]
16. Semenenko I. S. 2016. "Identity policy and identity in politics: ethno-national perspectives, European context". *Policy. Political Studies*, no 4, pp. 8-28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03 [In Russian]
17. Sisauri V. I. 2008. *Ceremonial music of China and Japan*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. [In Russian]

18. Tishkov V. A. 2013. Russian People: History and Meaning of the National Consciousness. Moscow: Nauka. [In Russian]
19. Tuchkova N. V. 2015. "Fiction and folklore as ethnically consolidating factors stimulating the growth of ethnic identity (based on the materials of the Parabel District of the Tomsk Region)". Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology, no 2, pp. 102-111. [In Russian]
20. U Gen-Ir. 2012. "Traditional music of the Far East (China, Korea, Japan): Historical and theoretical analysis". Dr. Sci. (Art Studies) diss. abstract. Saint Petersburg. [In Russian]
21. RF President Decree of 19 December 2012 No 1666 (as of 6 December 2018) "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation until 2025". [In Russian]
22. Huntington S. 2008. Who Are We? Challenges of American National Identity. Translated by A. Bashkirov. Moscow: AST: AST MOSCOW. [In Russian]
23. Sztompka P. 2005. Sociology. Analysis of Contemporary Society. Moscow: Logos. [In Russian]
24. Shubin, Yu. A. 2011. "Contemporary transformations of ethno-cultural identity: universal tendencies and Russian specificity". Cand. Sci. (Cult.) diss. abstract. Moscow. [In Russian]
25. Jakson R. L. II, Hogg M. A. (ed.). 2010. Encyclopedia of Identity. SAGE Publications, Inc. DOI: 10.4135/9781412979306
26. Sewartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). 2011. Handbook of Identity Theory and Research. Springer.